

Политический контекст и правовые основы взаимодействия России и ЕС в сфере международной безопасности

М.В. Шишацкий

Взаимодействие в сфере международной безопасности является одним из приоритетных направлений стратегического партнерства России и ЕС. В рамках инструмента Общей внешней политики и политики безопасности Евросоюз аккумулировал востребованный потенциал кризисного урегулирования, в рамках которого сегодня реализуется тринадцать миссий во всем мире. Повышение роли многосторонних миротворческих операций в последние десять лет создало предпосылки для углубления взаимодействия России и ЕС в сфере международной безопасности. Принципы и география возможных совместных действий России и ЕС в этой сфере стали предметом настоящего исследования.

Сегодня у России и ЕС больше общих угроз безопасности, чем в любой другой период со времен окончания «холодной войны». По мнению Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон, Россия и ЕС, действуя как стратегические партнеры, «способны оказывать решающее влияние на главные вызовы и конфликтные ситуации во всем мире»¹. Вместе с тем российская «многосторонняя дипломатия» продолжает контрастировать с «эффективным мультилатерализмом» ЕС. Стремление России сформировать более равноправную архитектуру европейской безопасности, основанную на балансе национальных интересов и традиционном приоритете «тяжелых» аспектов безопасности, здесь наталкивается на широкое ее толкование ЕС в контексте западных ценностей².

Трансграничный характер современных угроз предполагает, что они могут исходить откуда угодно. В этой связи эволюция внешнеполитических инструментов ЕС в направлении всеобъемлющего подхода требует комплексного реагирования на их формирование в тех регионах, где они возни-

кают. Согласованные действия на самых ранних стадиях призваны локализовать конфликтные ситуации и держать их на расстоянии от территории европейских государств. Формирующаяся в этой связи синергия международных институтов и государств предполагает укрепление связей с партнерами, сближение доктрин и работу по повышению оперативной совместимости, но прежде всего – создание надлежащей нормативно-правовой базы. Именно этот аспект отношений России и ЕС содержит в себе колоссальный потенциал. С учетом повышения роли миротворчества как инструмента международной политики на протяжении 2000–2010 гг., а также следуя концепции устойчивого многополярного миропорядка, России рано или поздно придется включиться в работу на данном направлении, если она хочет влиять на глобальные процессы, а не следовать за ними³.

Вместе с тем на современном этапе степень вовлеченности России в вопросы международного кризисного урегулирования остается низкой, что не соответствует объему ответственности постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Шишацкий Михаил Владимирович – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Свежий взгляд

Несмотря на нововведения текущей военной реформы, политика России в сфере международной безопасности носит по-прежнему догматичный и оборонный характер. В 2010 г. в международных миссиях в Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье, Гаити, Чаде, Западной Сахаре, Конго, Либерии, Судане, на Ближнем Востоке и в Косово был задействован 361 российский специалист, что обеспечило России 39-е место среди 115 вовлеченных в эту деятельность стран⁴.

Военная доктрина России 2010 г. в части военных опасностей и угроз не отражает реального положения дел, продолжая демонизировать НАТО и Запад⁵. Единственное упоминание о сотрудничестве с ЕС в числе «других международных организаций» связано со сдерживанием и предотвращением конфликтов на постсоветском пространстве, то есть направленно на сохранение статус-кво. Вместе с тем Россия придерживается позиции, что жизнеспособная и эффективная система европейской безопасности не может возникнуть без ее полноправного участия. Инициатива Президента РФ Д. Медведева (2008 г.) с указанием принципов, на которых должна основываться такая система, не была поддержана большинством европейских государств. Они при этом исходили из того, что «необходимости в новом договоре не существует, а все обсуждения будущего европейской безопасности могут и должны проходить в рамках существующих институтов...»⁶.

После кибератак на Эстонию в 2007 г., прекращения поставок газа в Украину на 2008 г., негативно сказавшихся на экономике Болгарии и Румынии, и наконец 5-дневной войны с Грузией в 2008 г. Европа продолжает видеть в России источник напряженности. Подобные действия резко противоречат целям ЕС по созданию пояса друзей и препятствуют формированию консенсуса стран ЕС в отношении России. Европейские государства образуют в первую очередь сообщество демократических ценностей, к которому Россия сегодня не принадлежит в полной мере.

В то же время нельзя исключать, что:

– во-первых, политическое решение о запуске военно-политического сотрудничества однажды все же будет принято, и поэтому уже сегодня необходимо готовить его организационно-правовой «интерфейс»;

– во-вторых, если Россия не отдаст предпочтения в развитии сотрудничества в сфере международной безопасности ЕС, то ей все же придется принять в расчет тенденции в области стремительного развития доктрины миротворчества и начать самостоятельную работу на данном направлении. Генеральная тенденция в этой области связана с возрастанием с 2005 г. роли принципа ООН по «ответственности за защиту» (Responsibility to Protect – R2P) и тесно сопряжена с развитием военно-гражданского инструментария Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) ЕС, а также с выходом НАТО за зону «традиционной ответственности»⁷.

Россия должна играть более значимую роль в реставрации многостороннего порядка безопасности, обеспечиваемого с помощью инструмента миротворчества, роль которого все более возрастает. Продолжительная стабильность требует долгосрочных правовых обязательств. В случае перехода к действенной реализации этого намерения России неизбежно придется активизировать военно-политическое сотрудничество, и в первую очередь определить те институциональные рамки, которым будет отдано предпочтение – НАТО, ЕС или коалиционные действия ad hoc.

Почему ЕС выступает здесь в наиболее выгодном свете? Прежде всего, механизм Евросоюза по гражданскому кризисному урегулированию востребован и стал использоваться международным сообществом на постоянной основе. В настоящее время ЕС реализует 13 миссий в различных уголках мира, в том числе две военные⁸. Анализ мандатов текущих и завершенных миссий свидетельствует о четкой тенденции к разрешению все более сложных и уникальных задач в условиях возрастающих рисков. Они связаны с долгосрочными планами стабилизации, реконструкции и развития стран, в которых реализуются миссии⁹. Инкорпорирование Петербургских задач и Хельсинской головной цели в Лиссабонский договор обеспечило ОПБО институциональную сплоченность и единое понимание внешнеполитических задач для всех государств ЕС по сравнению с тем, что долгое время олицетворяла Европейская стратегия безопасности.

Во-вторых, обеспеченный добровольным участием европейских стран высокий уровень легитимности миссий и возможность участия партнеров, в том числе и в невоенных компонентах операций, позволяют России подобрать максимально комфортную форму взаимодействия¹⁰.

В-третьих, на современном этапе ОПБО, несмотря на мозаичность интересов и различия внешнеполитических «традиций» государств-членов ЕС, аккумулирует потенциал, значительно превышающий возможности каждой отдельной страны ЕС и России. ЕС демонстрирует способность к достижению компромисса по таким сложным международным проблемам, как Косово, Афганистан, Грузия и борьба с пиратством на Африканском Роге. Согласно заявлениям Верховного представителя ЕС и ряда лидеров европейских стран, роль ЕС в международных делах в будущем будет только возрастать¹¹.

В-четвертых, Европа заинтересована в партнерстве с Россией при сохранении акцента на правовой составляющей участия в международных делах еще и потому, что после многих лет совместной работы в рамках ЕС и НАТО европейские страны все еще далеки от создания единой системы кризисного урегулирования. Имеется в виду прежде всего способность генерировать эффективные военные действия при том финансовом объеме и тех политических рисках, которые ими же признаются допустимыми.

Наконец, в-пятых, прогресс на правовом поле с ЕС косвенно будет способствовать повышению

доверия к НАТО, так как членство европейских стран в обеих организациях во многом совпадает.

Военные потенциалы России, ЕС и НАТО имеют принципиально различную структуру ввиду того, что ориентированы на решение разного рода задач. Но именно это делает их взаимно дополняющими и открывает широкие перспективы для сотрудничества в проведении совместных миссий, что всецело соответствовало бы интересам большинства государств ЕС. Разрыв в опыте проведения военных операций и отставание от темпов военной трансформации США ведет Европу к минимизации возможностей применения военной силы¹². Становится все более очевидным, что в долгосрочной перспективе функциональная сплоченность ОПБО достижима лишь при создании самостоятельного постоянно действующего «ядра» военных возможностей, включающего механизм планирования миссий и систему командования.

Военная операция НАТО в Ливии, которую впервые возглавили не США, а два европейских государства – Франция и Великобритания, продемонстрировала готовность Европы нести самостоятельную ответственность в международной политике. И, несмотря на то что каждый случай подобного применения силы остается частным, а ЕС и Россия зачастую дают различные оценки одним и тем же политическим событиям и по-разному интерпретируют современные угрозы, поступательное формирование общих подходов через создание единого правового поля возможно и реализуется на практике.

Основой отношений между ЕС и Россией остается Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подтверждающее, что ЕС и Россия являются стратегическими партнерами¹³. Соглашение подписано главами государств и правительств стран-членов ЕС, Председателем Европейской комиссии и Президентом Российской Федерации в июне 1994 г. на острове Корфу. Соглашение вступило в силу 1 декабря 1997 г. на срок действия 10 лет, который в 2007 г. был автоматически пролонгирован. В апреле 2004 г. Россия и ЕС договорились о распространении действия СПС на десять новых стран-членов ЕС. По истечении срока действия документа на саммите Россия–ЕС 2008 г. в Ханты-Мансийске было заявлено о запуске процесса переговоров по новому соглашению между Россией и ЕС на основе четырех общих пространств¹⁴.

СПС основано на принципах и задачах, разделяемых обеими сторонами, – содействии международному миру и безопасности, поддержке демократических норм, политических и экономических свобод. В духе равноправия и партнерства Соглашение нацелено на укрепление политических, торговых, экономических и культурных связей и ставит задачу создания в конечном счете зоны свободной торговли между ЕС и Россией.

Документ устанавливает институциональную основу для диалога на всех уровнях:

– министерском: в рамках Постоянного совета партнерства, позволяющего министрам встречаться в самых разных форматах;

– парламентском: в рамках Комитета парламентского сотрудничества и напрямую между Европейским парламентом и Государственной Думой России;

– между старшими должностными лицами обеих сторон и на экспертном уровне подкомитетов СПС.

Политический диалог осуществляется на встречах «тройки» министров иностранных дел, встречах политических руководителей, ежемесячных встречах Постоянного представителя России при Европейских сообществах в Брюсселе с «тройкой» Комитета по политике и безопасности, а также на экспертном уровне. В целом можно сказать, что ЕС и Россия поддерживают политический диалог на постоянной основе. С 2001 г. Россия является единственной страной-партнером, с которой Комитет по политике и безопасности ЕС проводит ежемесячные консультации на уровне послов. Члены Европейской комиссии, Верховный представитель ЕС и министр иностранных дел России также проводят регулярные консультации по актуальным международным событиям и вопросам кризисного урегулирования.

В июне 1999 г. Европейский совет принял Коллективную стратегию ЕС в отношении России в целях укрепления стратегического партнерства¹⁵.

Утверждая Коллективную стратегию, совет постановил, что каждая председательствующая в нем страна должна представлять рабочий план по применению Общей стратегии в течение соответствующего полугодия. Основные цели Коллективной стратегии:

- укрепление демократии, верховенства закона и гражданских институтов в России;
- интеграция России в европейское экономическое и социальное пространство;
- сотрудничество по укреплению стабильности и безопасности в Европе и за ее пределами;
- выполнение совместных задач на европейском континенте.

Коллективная стратегия в отношении России позволила определить приоритетные области сотрудничества ЕС с Россией и поставила несколько далеко идущих целей, которые осуществляются в настоящее время (общее европейское экономическое пространство, энергетический диалог, сотрудничество по вопросам юстиции и внутренних дел, борьба с терроризмом). На саммите ЕС–Россия в мае 2003 г. в Санкт-Петербурге Россия и ЕС договорились о совместной работе по созданию четырех общих пространств. Документ был подписан на саммите в мае 2005 г. в Москве и предусматривает сотрудничество в четырех сферах¹⁶:

1. Общее экономическое пространство ставит задачей сблизить экономики ЕС и России, сделав их более «совместимыми» для развития инвестиций и торговли.

2. Общее пространство свободы, безопасности и правосудия касается всех вопросов юстиции и внутренних дел.

3. Общее пространство внешней безопасности позволяет развивать сотрудничество в сфере

внешней политики и безопасности, подчеркивая важную роль таких международных организаций, как ООН, ОБСЕ и Совет Европы. Существуют широкие возможности объединить свои возможности для предотвращения конфликтов, урегулирования кризисов и посткризисного восстановления, противодействия распространению ОМУ, защите гражданского населения и борьбе с терроризмом.

4. Общее пространство исследований, образования и культуры ставит целью развитие сотрудничества в области науки, образования и культуры, в частности, через программы обменов.

Возвращаясь к «Дорожной карте» по внешнему пространству безопасности, необходимо отметить, что ее основой является принцип эффективного мультилатерализма. Стороны приветствуют интеграционные процессы и стремятся к созданию расширенной Европы «без разделительных линий», основанной на общих ценностях. По отдельным направлениям внешнеполитического взаимодействия Россия и ЕС условились разрабатывать планы совместных действий. В сфере предупреждения и урегулирования кризисов сотрудничество России и ЕС «ориентировано на результат» и охватывает реализацию мер по поддержке работы ООН и ОБСЕ. В этих целях стороны регулярно проводят консультации по раннему предупреждению конфликтов и кризисному урегулированию.

«Дорожная карта» предусматривает развитие прямых контактов между Европейским оборонным агентством и российскими военными ведомствами, постоянный обмен информацией и сотрудничество в академической сфере в целях сближения процедур и механизмов по разработке совместных подходов к кризисному урегулированию. Предполагается заключение постоянного соглашения, регламентирующего правовые и финансовые аспекты совместных операций по кризисному урегулированию. В настоящее время прорабатываются вопросы логистики, взаимодействия морских сил в сфере навигации, координации работы дальнего воздушного транспорта. Россия и ЕС планируют провести совместные учения и наладить связи между учебными подразделениями. Сотрудничество в области гражданской обороны построено вокруг адекватного реагирования на стихийные бедствия и катастрофы, проведение специальных технических семинаров и взаимопомощь в проведении поисково-спасательных работ.

Тем не менее военно-политическое сотрудничество – та область, в которой прогресс достигается крайне медленно. К настоящему моменту Россия и ЕС сотрудничали в проведении международных миссий лишь трижды. Одним из примеров стало участие в полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине¹⁷ пяти российских полицейских, прикомандированных сроком на один год с правом «последующего расширения своего вклада в реализацию мандата операции»¹⁸.

В связи с «мягким» характером полицейской миссии, исключающей применение военной силы, и относительно непродолжительным участием российских полицейских офицеров данный опыт не послужил стимулом к формированию правовой базы и интенсификации обмена информацией между двумя сторонами. Он не потребовал ни дополнительных соглашений, ни договоренностей по правилам применения сил НАТО (NATO Rules of Engagement), так как российское командование операцией было всецело делегировано Оперативному штабу ЕС.

В начале февраля 2007 г. в Чаде произошли кровавые столкновения военных с повстанцами, которые добивались свержения действующего президента страны. Ожесточенные бои достигли Нджамены. Однако в результате международных посреднических усилий правительственным войскам удалось остановить вооруженный конфликт. В декабре 2007 г. России было предложено внести вклад в миссию европейских миротворческих сил, на что Россия в апреле 2008 г. ответила официальным согласием¹⁹. 5 ноября 2008 г. в Брюсселе Верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Х. Солана и Постоянный представитель России при ЕС В. Чижов подписали Соглашение об участии России в военной операции ЕС в Чаде и Центрально-Африканской Республике (ЦАР)²⁰.

Общей целью миротворческой операции ЕС в Чаде и ЦАР, запущенной в марте 2008 г. с мандатом Совета Безопасности ООН, являлось обеспечение безопасности границ Чада с Суданом и оказание помощи сотням тысяч беженцев из Дарфура, сосредоточенных в соседних с Суданом странах. Группа российских военнослужащих военно-воздушных сил из состава вертолетной группы была отправлена в Чад для участия в операции ЕС по поддержке присутствия ООН в регионе. Согласно Указу Президента России для участия в операции ЕС направлено воинское формирование численностью до 200 военнослужащих с четырьмя транспортными вертолетами Ми-8МТ, штатным вооружением, боеприпасами, военной техникой и другими необходимыми средствами на срок до 12 месяцев²¹.

Российские военнослужащие выполняли задачи по транспортировке грузов и персонала ООН, проведению эвакуации, поисково-спасательных работ, патрульных и наблюдательных полетов в районе операции ЕС «без ущерба или ограничений процесса принятия решений ЕС в рамках данной миссии»²².

При этом Министерством обороны РФ после шести месяцев пребывания в районе операции была проведена замена личного состава, а также обеспечено «обновление и пополнение вооружений и военной техники».

Участие России в миссии осуществлялось в соответствии с Правилами применения сил НАТО в той мере, в которой это не противоречило законодательству России, и могло быть приостановлено в любое время с уведомлением в надлежащие

сроки. В отсутствие соглашения о статусе сил между Россией и ЕС действия российских военных регламентировались аналогичным соглашением между ЕС и ЦАР с сохранением российской юрисдикции над своими войсками²³.

На протяжении всей миссии российский контингент был подотчетен верховному командованию России с делегированием прав по локальной координации и постановке задач в рамках мандата Командующему миссией ЕС. Процесс планирования воздушных действий и других маневров проводился в тесном взаимодействии с высшими военными представителями России, назначенными в Оперативный штаб ЕС в Париже и Военный штаб миссии в Чаде. Все материальные затраты, включая возмещение услуг по снабжению со стороны ЕС, несла Российская Федерация.

Третьим примером сотрудничества России–ЕС стала координация действий военно-морских сил России с мандатом морской операции ОПБО «Аталанта» по борьбе с пиратством у побережья Сомали в 2008–2011 гг., которая продолжается и в настоящее время²⁴. В 2008 г. Россия и ЕС выработали алгоритм совместной борьбы с пиратством в Аденском заливе и Индийском океане в рамках коалиции 16 государств и при активном содействии НАТО. Несколько российских кораблей в разные периоды выполняли патрулирование и эскортирование промысловых судов в целях их защиты от нападения пиратов. Тем не менее, по словам заместителя командующего операцией ЕС контр-адмирала К. Канова, в декабре 2011 г. пираты по-прежнему удерживали 8 кораблей и порядка 200 заложников, а их доход по итогам 2011 г. превысил 135 млн долл.²⁵

Россия имеет смежный опыт сотрудничества с ЕС в рамках миротворческих операций ООН в Африке. Российские военные помогали восстанавливать мирную жизнь в Сьерра-Леоне, а в 2006–2007 гг. в рамках Меморандума о взаимопонимании между Российской Федерацией и ООН о вкладе в систему резервных соглашений ООН от 19 апреля 2002 г. восемь российских вертолетов (4 транспортных и 4 военных) решали миротворческие задачи в Судане²⁶. Кроме того, на базе Центра подготовки миротворцев МВД России в Москве ежегодно обучаются до 80 «голубых касок» ООН и «голубых беретов» из африканских стран.

В 2008–2010 гг. в связи с событиями в Южной Осетии военно-политическое сотрудничество с ЕС по многим направлениям было заморожено. Верховный представитель ЕС заявила, что ЕС «придется пересмотреть свои отношения с Россией»²⁷. Лишь к концу 2009 г. контакты ЕС и России восстановились благодаря выработке совместных позиций по таким вопросам глобальной повестки дня, как изменение климата, терроризм и энергобезопасность. Принцип взаимодействия ЕС с Россией был сформулирован так: «Searching for opportunities to develop our relations with Russia where possible, but standing firm on our principles where necessary»²⁸.

Военно-политическое сотрудничество должно подписанием типового, но крайне важного Соглашения о защите секретной информации, по которому стороны обязались предоставлять служебные данные, вести их учет, а также проводить расследования в случае утечки или потери²⁹. Обмен ведется дипломатическим каналом.

В ситуации продолжающихся переговоров по новому СПС на саммите 2009 г. в Стокгольме было принято решение о запуске консультаций по рамочному соглашению об участии России в операциях кризисного урегулирования под эгидой ЕС (Framework Participation Agreement in EU Crisis Management Operations). Диалог начат в декабре 2009 г. и продолжается до настоящего момента. Подобные Рамочные соглашения ЕС об участии в операциях кризисного урегулирования ЕС действуют с Канадой³⁰, Турцией³¹, Украиной³², Норвегией³³, Исландией³⁴ и находятся в стадии разработки с Россией и Швейцарией³⁵. Их наличие позволяет существенно оптимизировать переговорный процесс в случае принятия политического решения о проведении совместных операций, в отличие от трудоемких ad hoc соглашений, ратификация которых может затянуться на месяцы.

Наличие подобного соглашения об участии между ЕС и Россией существенно упростило бы участие России в операциях ОПБО, поскольку проект документа вбирает в себя все универсальные нормы, переходящие из одного соглашения в другое. Вопрос, способный затруднить согласование упомянутого документа и спровоцировать разногласия между Россией и ЕС, – это вопрос о географии возможных совместных действий. А именно, об использовании сил ЕС на территории СНГ и в частности в Нагорном Карабахе и Приднестровье. В свете «перезагрузки» отношений с США Россия не протестовала по поводу использования силами НАТО территорий государств Центральной Азии для переброски грузов в Афганистан или по поводу деятельности американских военных специалистов в Грузии. Очевидно, разногласий по поводу операций ЕС в СНГ можно также избежать, если Россия получит возможность влиять на принимаемые решения.

Еще одним важным вопросом по линии безопасности остается подготовка проекта соглашения о взаимодействии глобальных систем спутникового слежения Галилео и ГЛОНАСС в сфере производства совместных биомедицинских и биологических исследований на борту МКС, а также сотрудничества по смежным вопросам³⁶.

Таким образом, стратегическое партнерство России–ЕС развивается, но все еще сохраняет огромный нереализованный потенциал. Стремление сторон к полноценному партнерству декларируется на всех саммитах Россия–ЕС, но на практике реализуется крайне медленно³⁷. Ни Среднесрочная стратегия отношений России с ЕС 2000–2010 гг., которая установила амбициозные задачи в сфере создания системы коллективной безопасности, ни «Дорожная карта» в сфере безопасности не дали ожидаемых результатов.

■ Свежий взгляд

Обеспокоенность ЕС в связи со стабилизацией и развитием Чечни и Северного Кавказа, политика в отношении Центральной Азии и общие принципы создания «пояса друзей» ориентируют ЕС на обеспечение своего основного интереса – «достижение политической и экономической стабильности мягкими методами»³⁸. ЕС считает регион СНГ «крайне чувствительным» в плане безопасности и всячески стремится «накрыть» его своими внешнеполитическими инструментами, критикуя Россию в «пассивном использовании открывшихся возможностей дожных карт»³⁹.

Так, сфера безопасности выпадает из повестки сотрудничества, сосредоточенной вокруг инструментов партнерства для модернизации⁴⁰ энергетики, донорства по линии механизма европейского соседства и партнерства и консультаций по вопросам прав человека. На втором плане стоят вопросы либерализации экономики и развития транспорта, ВТО, безвизового режима, экологии, развития «Сколково», академического сотрудничества, борьбы с коррупцией в судебной системе. В среднесрочной перспективе вакуум «движения к новому СПС» будет заполняться программами финансового сотрудничества по поддержке упомянутых сфер, безопасности среди которых нет⁴¹.

В заключение необходимо подчеркнуть, что если Россия намерена повышать «удельный вес» ответственности в вопросах международной безопасности, то ей необходимо определить «нишу» и институциональный «интерфейс», в которых это намерение будет реализовано. Такой «нишей» вполне могло бы стать ее участие

в международных миротворческих операциях, роль которых за последние десять лет, согласно статистике «SIPRI Yearbook» и «The Military Balance», существенно выросла. А «интерфейсом» такого развития на начальном этапе мог бы выступить механизм ОПБО ЕС в силу наибольшего политического благоприятствования (инструмент гражданского кризисного урегулирования востребован; легитимность миссий ЕС; уникальный военно-гражданский инструментарий; отсутствие единой системы евробезопасности; рост доверия и наработка совместного опыта), но и при всей сложности взаимодействия России–ЕС. И вне зависимости от внешнеполитических приоритетов России должна быть подготовлена правовая база возможных совместных действий на данном направлении, что в будущем существенно упростило бы сотрудничество по линии безопасности и подготовило почву для политических решений.

Shishatskiy M.V. Political Framework and Legal Basis of the EU-Russia Security Co-operation.

Summary: *The security co-operation is a principal direction of the EU-Russia strategic partnership. The EU has developed the actual crisis management capabilities within the mechanism of the Common Foreign and Defence Policy, implementing at the moment thirteen missions all over the world. The enhancement of the role of the multilateral peace operations in the last decade provided opportunities for more intensive EU-Russia security co-operation. This study is focused on principles and geography of the eventual joint actions of the EU and Russia in the current political and legal framework.*

Ключевые слова

Международная безопасность, Европейский союз, общая внешняя политика и политика безопасности, взаимодействие России и ЕС, кризисное урегулирование.

Keywords

International Security, European union, Common Foreign and Defence Policy, Russia-EU Co-operation, Crisis Management.

Примечания

1. Speech of High Representative Katherine Ashton on the EU-Russia Summit, A 513/11, Brussels, 14.12.2011.
2. Zagorski A. The Limits of Global Consensus on Security: The Case of Russia, see in: Global Security in a Multipolar World, Chaillot Paper #118, Institute for Security Studies, Brussels, October 2009. PP.67-69.
3. Содер К., Корлссон К. Многосторонние миротворческие операции / Ежегодник СИПРИ 2010: вооружения, разоружение, международная безопасность, Приложение ЗА, пер. с англ. ИМЭМО РАН, М., 2010. С.118-119.
4. Колесниченко О. ООН, НАТО, Россия и Миротворцы. Почему не получается взаимодействие? / Независимое военное обозрение, 11.06.2010.
5. Военная доктрина Российской Федерации, Указ Президента Российской Федерации №146 от 5.02.2010. Источник: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461.
6. Clinton H. Remarks at the NATO Strategic Concept Seminar, US Department of State – Diplomacy in Action, Washington DC, 22.02.2010. Source: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/02/137118.htm>.
7. The Outcome Document of the High Level Plenary Meeting of the General Assembly, 60th Session of the UN General Assembly, A/60/L1, 15.09.2005. Paragraphs 138-139. UN Security Council Resolution S/RES/1973/2011, 17.03.2011.
8. Overview of the Missions and Operations of the European Union, EU External Action Information Sheet, November 2011. Source: <http://consilium.europa.eu/eeas/security-defence/eu-operations?lang=en>.

9. Khol R. EU Civilian Crisis Management in Early 2010. The Beginning of a New Chapter Fraught with Complex Tasks. Friedrich Ebert Stiftung International Policy Analysis, Berlin. September 2010. P.7.
10. The Military Balance 2011. The International Institute of Strategic Studies, London, 8.03.2011. P.77.
11. Speech by High Representative Katherine Ashton on the Common Security and Defence Policy in the European Parliament in Strasbourg. EU Press, A 512/11, Brussels, 13.12.2011. P.2.
12. The EU Battle groups: Reply to the Annual report of the Council, Document A/1964, Assembly of the WEU, Interparliamentary European Security and Defence Assembly, 5.06.2007. P.3-4.
13. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, Корфу, 24.06.1994. ФЗ РФ №135 от 25.11.1996. Дата вступления в силу 1.12.1997.
14. Joint Statement of the EU-Russia Summit on the Launch of Negotiations for a New EU-Russia Agreement, Khanty-Mansiysk, 27.06.2008.
15. Common Strategy of the EU on Russia of 4 June 1999, 1999/414/CFSP, OJ L157, 24.06.1999, P.1.
16. Road Maps for Four Common EU-Russia Spaces, 15th EU-Russia Summit, Moscow, 15.05.2005.
17. Council Decision 2003/582/CFSP of 21 July 2003, OJ L197/37, 5.08.2003.
18. Agreement between the European Union and the Russian Federation on the Participation of the Russian Federation in the European Union Police Mission in Bosnia and Herzegovina EUPM BiH, OJ L197/38, 5.08.2003; Joint Action 2002/2102/CFSP of 11.03.2002 on the EUMP; Joint Action 2003/141/CFSP of 27.02.2003; Joint Action 2003/188/CFSP of 17.03.2008 amending Joint Action 2002/210/CFSP.
19. Joint Action 2007/677/CFSP, 15.10.2007 and Council Decision 2008/868/CFSP of 13.10.2008, OJ L 307/15, 18.11.2008.
20. Agreement between the Government of the Russian Federation and the European Union on the Participation of the Russian Federation in the European Union Military Operation in the Republic of Chad and in the Central African Republic (EUFOR Chad/RCA), OJ L307/16, 18.11.2008.
21. «О направлении воинского формирования Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в операции Европейского Союза в поддержку присутствия ООН в Республике Чад и Центрально-Африканской Республике». Указ Президента Российской Федерации от 1.09.2008 г. №1279 // Российская газета, 3.09.2008.
22. Agreement between the Government of the Russian Federation and the European Union on the Participation of the Russian Federation in the European Union Military Operation in the Republic of Chad and in the Central African Republic (EUFOR Chad/RCA), OJ L307/16, 18.11.2008.
23. Mason R. Status of Force Agreement: What Is It? And How It Has Been Utilized? Congressional Research Service, Brussels, 5.01.2011.
24. Press Releases by EU Navfor Public Office 2008-2012 / EU Navfor Somalia Official Website – www.eunavfor.eu.
25. <http://www.rosbalt.ru/main/2011/12/07/921719.html>
26. Пресс-релиз «О миротворческой деятельности Российской Федерации», Постоянное представительство РФ при ООН, 28.06.2008. Источник: <http://www.un.int/russia/new/MainRootrus/docs/press/250608rprel.htm>.
27. Сообщение РИА «Новости», 19.08.2008. Источник: <http://www.newsru.com/world/19aug2008/solan4eg.html>.
28. Resolution of the European Parliament on EU-Russia Summit on 18 November 2009 in Stockholm, PROV/2009/0064, 12.11.2009. P.7.
29. Agreement between the Government of the Russian Federation and the European Union on the Protection of the Classified Information, OJ L 155/57, 22.06.2010.
30. Framework Participation Agreement, OJ L315, 1.12.2005. P.21.
31. Framework Participation Agreement, OJ L189, 12.07.2006. P.17.
32. Framework Participation Agreement, OJ L182, 13.07.2005. P.29.
33. Framework Participation Agreement, OJ L63, 28.02.2004. P.68.
34. Council of the EU Information Note, 7743/09, Brussels, 18.03.2009.
35. Council Conclusions on CSDP, 3009rd Foreign Affairs Council Meeting, Council of the EU, Luxemburg, 16.04.2010.
36. European Union and Russia Relations. A Strategic Partnership, European Commission, EU External Relations, Brussels, May 2011. Source: www.eeas.europa.eu/library.
37. EU-Russia Summit Press Release, MEMO/11/915, Brussels, 15.12.2011.
38. Country Strategy Paper 2007-2013 – Russian Federation, EU External Action Documents, Brussels, 14.10.2011. P.5-6. Source: www.eeas.europa.eu/russia/docs.
39. Ibidem. P.14.
40. Progress Report Agreed by the Coordinators of the EU-Russia Partnership for Modernization for Information to the EU-Russia Summit, Rostov-On-Don, 7.12.2010. P.2. Work Plan For Activities Within the EU-Russia Partnership for Modernization (Regularly Updated), 7.12.2010. Source: www.eeas.europa.eu/russia/docs.
41. EU-Russia Common Spaces Progress Report, European Commission, March 2010. Source: www.ec.europa.eu/external_relations/russia/index_en.htm.